

Д.М. Бузаджи

Перевод коммуникативно неполноценных текстов как теоретическая и практическая проблема

В переводоведческих работах не так много внимания уделяется одной категории текстов, которая тем не менее все чаще и чаще становится объектом перевода. Речь идет о текстах, объективно плохо написанных (или, точнее, созданных, поскольку изначально они могут существовать и в устной форме). Думается, особое значение этот вопрос имеет для тех, кто переводит с английского языка, поскольку в нынешнее время английским – причем обязательно «в совершенстве» или на худой конец «свободно» – не владеет только ленивый, и поэтому текстов разной степени корявости, произведенных на свет различными неносителями, становится все больше.

В одной из своих статей¹ В.К. Ланчиков ставил вопрос о том, как поступать в переводе с намеренными и ненамеренными ошибками автора оригинала, и предложил алгоритм поиска решения в зависимости от намеренности ошибки, коммуникативной направленности текста и характера переводческой ситуации в устном переводе или вида издания в письменном. Однако нас в данном случае интересуют не отдельные ошибки в грамотных в целом текстах, а тексты, в значительной степени или даже преимущественно состоящие из ошибок, причем продиктованных не специальным намерением или хотя бы небрежностью, а, как правило, недостаточным уровнем владения языком (иностранным или родным) у их авторов.

Чтобы сразу же было понятно, о какого рода текстах идет речь, приведем пример из нашей практики – работы в журнале, посвященном механическим часам. Одна из типичных задач, с которыми мы сталкиваемся, – это расшифровка и последующий перевод интервью с представителями часовой отрасли. К сожалению, как эти представители (в основном носители французского или немецкого языков), так и интервьюеры (в основном носители русского языка) предпочитают общаться на английском, в результате чего материалом для перевода вполне может послужить обмен репликами вроде следующего:

How it appeared the idea to make teeth exactly on sapphire glass? Not normal way with the metal bezel.

Because we wanted to have the sapphire and the metal piece in only one part. And we didn't want to use glue as it is the case for regular mystery movements. So as we used to work with Mimotec, they have a solution to have this sapphire disc with the metal part in one component.

В окончательном варианте перевода этот фрагмент звучал так:

В этих часах зубцы, обеспечивающие скрытое вращение сапфировых дисков, устроены необычно. Как именно?

Обычно в «таинственных» механизмах металлические зубцы к сапфировым дискам приклеивают. Но нам хотелось обойтись без клея: чтобы эти две детали

¹ Ланчиков В.К. Ошибки без кавычек // Мосты №2(18)/2008. – С. 31–36.

составляли одно целое. Решение помогла найти компания «Мимотек» (Mimotec), с которой мы сотрудничали и раньше. С помощью технологии глубокого ионного травления (DRIE) удалось нарастить металлические зубцы прямо по периметру сапфирового диска. Никакого клея нет.

Один из вопросов, которые неизбежно возникают при работе с подобным материалом: а перевод ли это вообще? Может быть, продуктивнее назвать подобный вид межъязыкового посредничества как-то иначе? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. В отечественном переводоведении известна классификация В.Н. Комиссарова, который вслед за О. Каде предлагал различать собственно перевод и адаптивное транскодирование, относительно которого говорится, что оно «подобно переводу, представляет собой особую репрезентацию содержания оригинала на ПЯ, но в отличие от перевода создаваемый текст не предназначен для полноценной замены оригинала»². Среди видов адаптивного транскодирования исследователь отдельно отмечает сокращенный перевод и адаптированный перевод.

Как видим, строго говоря, отнести процитированный нами выше пример к случаям адаптивного транскодирования нельзя, потому что результат нашего межъязыкового посредничества именно предназначен для полноценной замены текста оригинала (ТО) в культуре переводящего языка (ПЯ). Также перед нами не стоит отдельная задача сократить ТО (хотя на практике сокращения в таких текстах частотны за счет устранения избыточности) или переадресовать его некоей аудитории, не предусмотренной его автором.

Не помогут нам и различные дескриптивистские определения перевода, потому что они имеют свойство максимально расширять границы этого понятия, включая в них, по сути, любой текст, преподносимый как перевод.

Пока что мы не будем вдаваться в терминологические нюансы, а условно решим, что переложение таких текстов на ПЯ – разновидность перевода, и посмотрим, отличается ли чем-то эта разновидность от перевода более привычных нам текстов.

Очевидное отличие лежит в плоскости коммуникативного эффекта. Если исходить из более или менее традиционного представления о том, что перевод должен оказывать на читателя (слушателя) примерно то же воздействие, что оригинал оказывал на носителей исходного языка (ИЯ), то перевод рассматриваемых нами текстов этому требованию соответствовать, разумеется, не будет. Носителю ИЯ подобные тексты представляются комическими, раздражающими, малопонятными и т. п., однако воспроизводить этот эффект в переводе было бы явной ошибкой.

Рассматривая классификацию уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова, А.Д. Швейцер пишет:

В.Н. Комиссаров, безусловно, прав, отмечая ведущую роль цели коммуникации в установлении эквивалентных отношений между оригиналом и переводом... Единственное различие между этим положением и тем, которое было нами изложено выше, сводится к тому, что у нас речь идет о «коммуникативном

² Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – С. 48.

эффекте», а у В.Н. Комиссарова – о цели коммуникации. Однако указанное различие несущественно, так как это – соотносительные понятия (для того, чтобы состоялась коммуникация, эффект должен соответствовать цели)³.

Можно предположить, что в коммуникативно неполноценных текстах (КНТ) эффект как раз не вполне соответствует цели. Так, генеральный директор одной из крупнейших часовых компаний, француз, отвечая на вопрос интервьюера о том, что он думает по поводу часовых производителей, заимствующих некоторые коммерческие приемы из индустрии моды, начал свой ответ с фразы: “Your point is silly”. Увидев эту фразу в таком контексте, носитель английского языка, скорее всего, рассмеется: настолько грубовато-неуместно она звучит. И дело даже не только в том, что слово *silly*, относящееся к тому, что сказал собеседник, для серьезного делового интервью чересчур маркировано, но и в самой комичности сочетания серьезного *point* и чуть ли не детского *silly* (в результате получается что-то вроде: «Затронутый вами вопрос – фиговенький»). Разумеется, что никакого особого стилистического задания у этой фразы не было, а значит, эффект, который она фактически произвела, надо проигнорировать и передать ее примерно как «Это смешно» / «Об этом и речи быть не может» / «Ни в коем случае» и т. п.

Интересно задуматься, что именно мы в таком случае передаем. Если обратиться к приведенной выше цитате из А.Д. Швейцера, можно сказать, что передается цель коммуникации, но не коммуникативный эффект. Цель же в данном случае высчитывается не столько по самим языковым явлениям, наблюдаемым в оригинале, сколько по параметрам коммуникативной ситуации (жанр, отношения коммуникантов, предмет разговора и т. д.). Любопытно, что в этом случае мы руководствуемся теми соображениями, которые первыми осудили бы, если бы их применяли, скажем, к переводу художественной литературы или даже тех же интервью, но данных носителем языка носителю языка. То есть если бы переводчик, вместо функционально и коммуникативно точного воспроизведения особенностей авторского стиля (степень точности, правда, для художественной литературы и интервью была бы разная), начал писать нечто усредненно-гладкое только потому, что решил, что в такой ситуации «говорят именно так».

Отметим при этом, что такой перевод все же укладывается в то определение, которые мы сформулировали одной из своих предыдущих работ⁴: переводом мы предложили считать текст на переводящем языке, призванный воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности. Здесь мы уходим от таких понятий, как «коммуникативный эффект» и «коммуникативное намерение». Что же касается коммуникативной релевантности, то вслед за Д. Спербером и Д. Уилсон мы исходим из того, что релевантность определяется контекстуальными эффектами сообщения. А контекстуальные эффекты могут заключаться в: 1) добавлении контекстуальных импликаций, 2) подтверждении ранее присутствовавших в сознании предположений и 3) устранении из сознания

³ Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – С. 82.

⁴ Бузаджи Д.М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты №2(30)/2011. – С. 44–55.

ложных предположений⁵. Все эти эффекты объединяет то, что они помогают человеку улучшить свое представление об окружающем мире.

Рассматривая движение текста от его автора к реципиенту, можно говорить об авторском намерении, самом объективно существующем тексте и восприятии текста реципиентом. При работе с обычными, коммуникативно полноценными текстами мы исходим из того, что все эти три аспекта логически взаимосвязаны и обуславливают друг друга: автор реализует свое намерение при помощи наиболее подходящих для этого языковых средств, которые, в свою очередь, производят на реципиента воздействие, более или менее соответствующее тому, чего хотел автор. При этом переводчик, которому объективно и непосредственно дано только среднее звено, сам ТО, на основе анализа этого текста строит предположения о том, что хотел сказать автор и как его слова должны были быть восприняты реципиентом в культуре ИЯ, а потом уже, исходя из этих предположений, создает текст перевода (ТП).

Характер работы с КНТ иной. Сам ТО представляет собой зачастую лишь набор отдельных фактов, опорных точек, намеков, окруженных мощным информационным шумом. Авторское намерение приходится вычислять не столько по ТО, сколько по параметрам коммуникативной ситуации. А коммуникативное воздействие претерпевает довольно сильные изменения: из предполагаемого коммуникативного воздействия на носителя ИЯ для носителя ПЯ «отбирается» только то, что логично вписывается к коммуникативную ситуацию, все же не соответствующие этой ситуации эффекты отфильтровываются.

Для того чтобы лучше объяснить в такой ситуации мотивы переводчика, имеет смысл продолжить экскурс в работы прагматической направленности, а именно обратиться к классической статье Г.П. Грайса «Логика и речевое общение». Напомним, что в этой работе Г.П. Грайс представляет общение как совместную деятельность, подчиненную «принципу кооперации», гласящему: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога»⁶. Нарушение принципа кооперации (точнее, более конкретных постулатов общения, разбитых на четыре категории) приводит к созданию имплицатур. Этот процесс описан у Г.П. Грайса так:

Он сказал, что *p*; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*; он хочет, чтобы я думал – или хотя бы готов позволить мне думать – что *q*: итак, он имплицировал, что *q*⁷.

Но только если у Г.П. Грайса презумпция соблюдения принципа кооперации позволяет реципиенту уловить скрытое, подразумеваемое значение (в том числе

⁵ Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. – Oxford, Cambridge: Blackwell, 1995. – P. 114.

⁶ Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 222.

⁷ Там же. С. 227–228.

при употреблении говорящим различных стилистических приемов), то в нашем случае без учета этой презумпции ТО представлялся бы либо бессмысленным, либо стилистически неуместным.

Тот же гендиректор-француз, рассуждая на тему восприятия роскоши в современном обществе, говорит:

...but most of the other countries if a senior manager or a senior guy is moving around with a 46 gold watch on TV or whatever, journalists will take him by the tie and say, "Gentleman bla-bla-bla having bla-bla-bla." In France you had Sarkozy with these expensive Rolex watches.

Попробуем перевести это более или менее близко к тексту, отображая семантические и стилистические особенности этого фрагмента:

...но в большинстве других стран, если старший руководитель или старший человек ходит с 46-ми золотыми часами в телевизоре или там еще что-то, журналисты возьмут его за галстук и скажут: «У господина бла-бла-бла есть бла-бла-бла». Во Франции был Саркози с этими дорогими часами «Ролекс».

Разумеется, это набор слов, который почти никому ничего не скажет. Однако, исходя из презумпции соблюдения принципа кооперации, переводчик игнорирует многочисленные нарушения постулатов, пытаясь ответить на вопрос, что сказал бы интервьюируемый, если умел бы облекать свои мысли на этом языке в корректную форму. В опубликованном варианте перевода этот фрагмент выглядел так:

Но в большинстве стран все обстоит по-другому. Стоит какому-нибудь руководителю или высокопоставленному чиновнику появиться в общественном месте с 46-миллиметровыми часами из золота, журналисты тут же растреляют об этом по всем каналам. В этой же связи на память приходит заявление близкого друга Николя Саркози о том, что человек, который к 50 годам не обзавелся «ролексом», – просто неудачник. Вспомните, сколько оно наделало шуму.

Теперь мы рассмотрим подобные тексты с точки зрения того, как с ними строится работа переводчика. Можно сказать, что в этом случае переводчик гораздо активнее играет роль интерпретатора ТО, поскольку его языковое наполнение, зачастую случайное и противоречивое, дает очень мало подсказок. Скажем, в процитированном выше примере последние два предложения – результат поиска дополнительной информации о том, к чему могли относиться слова *Sarkozy* и *Rolex* в контексте нарочитой роскоши и реакции на нее в СМИ. Скорее всего, говорящий имел в виду именно этот инцидент, но утверждать это можно с гораздо меньшей степенью уверенности, чем при переводе коммуникативно полноценных текстов. Мимоходом заметим, что целиком опускать такие неясные куски далеко не всегда возможно: от некоторых интервью в таком случае вообще мало что останется.

Этот пример хорошо иллюстрирует еще одну особенность работы с КНТ – сильную зависимость перевода от учета широкого контекста. Безусловно, учет контекста в абсолютно любом переводе – требование настолько тривиальное, что лишний раз говорить о нем не имело бы смысла. И, наверное, близкий к

идеальному переводчик, работающий со стопроцентной отдачей и добросовестностью, будет изучать контекст при переводе коммуникативно полноценных текстов и КНТ одинаково тщательно. Однако, если брать переводчика среднего, то КНТ, зачастую лишенный облегчающей интерпретацию контекстуальной насыщенности и даже избыточности, может поставить перед ним неразрешимые задачи.

Здесь уместно будет еще раз обратиться к работе Д. Спербера и Д. Уилсон: под контекстуализацией (информации Р в контексте С) они понимают умозаключения, построенные на основе соединения новой информации Р со старой информацией С⁸. Контекстуализация может произвести или не произвести контекстуальный эффект. Если новая информация не производит контекстуального эффекта, она нерелевантна. Нерелевантным некое предположение оказывается в одном из трех случаев:

- 1) если оно содержит в себе новую информацию, но та никак не связана с информацией, содержащейся в контексте;
- 2) если это предположение уже содержалось в контексте и его сила от поступления новой информации никак не изменилась и
- 3) если предположение противоречит контексту, но не обладает достаточной силой, чтобы его изменить⁹.

Приведем пример, когда достижение контекстуального эффекта возможно только в том случае, если переводчик владеет широким контекстом. Генеральный директор группы «Франк Мюллер» в ответ на вопрос о приоритетных рынках сбыта отвечает так (интервьюеры – мужчина и женщина):

Of course it's Japan, Singapore, Hong Kong. China important. Japan is huge market for me. If Chopard sells one watches in Japan, I sell five watches. Franck Muller in Japan is incredible.

Already I start six months before I make six Franck Muller marriage. In Ritz-Carlton of Osaka I make marriage, like you, femme and homme, and I make everything. Plate, dress, wedding ring. 150 000 – one marriage.

Информация, содержащаяся во втором абзаце, настолько, на первый взгляд, слабо связана с контекстом (узким, предыдущим), что первый импульс интерпретатора – откинуть ее как нерелевантную. Однако, если мы верим в то, что говорящий придерживается принципа кооперации (по крайней мере, в целом), и владеем необходимыми контекстуальными знаниями (или наводим соответствующие справки), мы можем добиться появления контекстуального эффекта. В данном случае интервьюируемый, когда речь заходит о Японии, переключается на другую тему, связанную с этой страной: в Японии его компания предлагает новую услугу – организацию свадеб. Конечный вариант перевода этого фрагмента выглядел так:

⁸ Sperber D., Wilson D. Указ. соч. С. 108.

⁹ Там же. С. 121.

В первую очередь, это Япония, Сингапур, Гонконг и Китай. Япония для нас рынок номер один. На каждые часы, которые в Японии продает «Шопар» (Chopard), мы продаем пять.

Полгода назад мы в Японии запустили новую услугу – организацию свадеб в нашей фирменной стилистике. Мы организуем все: заказываем гостиницу, делаем свадебное платье, столовые приборы, кольца – одним словом, «под ключ». Мы уже провели шесть свадеб.

Мимоходом отметим, что активное владение широким контекстом нужно еще и для того, чтобы верно расшифровать подобную аудиозапись или понять говорящего в ситуации устного перевода. Когда понимание затруднено, к примеру, сильным акцентом и всевозможными ошибками, узнать неразборчивое слово или выражение гораздо легче, если в голове слушателя (переводчика) уже есть некие ожидаемые варианты развития изложения, или – если говорить более общо – в сознании слушателя актуализированы семантические поля, к которым говорящий, скорее всего, обратится. Скажем, англо-французское *femme and homme* в данном примере распознать было бы гораздо труднее, если не держать в голове тот факт, что интервьюеры – мужчина и женщина, что язык часового дела – французский и французские вкрапления в речи его представителей нередки, даже если они дают интервью на английском, наконец, что говорящий в данный момент столкнулся с непониманием, возникшим после фразы *I make marriage*, и пытается заверить слушателей в том, что она была релевантна, что слово *marriage* возникло в данном контексте неслучайно.

Не подлежит сомнению, что при прочих равных условиях лучше с переводом некоего текста справляется переводчик, специализирующийся на данной тематике. При работе с КНТ, думается, такое преимущество (а точнее, недостаток переводчика, который «не в теме») простирается еще более явно, поскольку зависимость интерпретации КНТ от владения широким контекстом сильнее, чем у обычного текста.

Можно возразить, что примеры, которые мы приводили выше, несколько маргинальны: переводчикам не так уж часто приходится напрямую работать с аудиозаписью, да и любая подготовка устной беседы к печати (даже без перевода) требует известной редактуры. Это, разумеется, верно, но такие тексты в качестве образца мы взяли только в силу их предельной наглядности. Те же самые закономерности, только менее ярко выраженные, наблюдаются и при переводе, например, письменных текстов, созданных авторами недостаточно владеющими языком и/или правилами написания подобных текстов. Более того, нам представляется, что сказанное выше относится и к устному переводу (тех же интервью). Просто в устном переводе тенденция к некоторому выравниванию, сглаживанию шероховатостей, домысливанию авторского намерения более привычна, даже когда текст исходит от носителя языка. Но и устный переводчик, на наш взгляд, столкнувшись с «неграмотным» текстом, вынужден действовать по несколько иному алгоритму, чем когда он переводит человека, выражающегося ясно и с соблюдением нормы и узуса языка.

Приведем менее очевидный и бросающийся в глаза пример, позаимствованный не из расшифровки интервью, а из опубликованной статьи, подписанной фамилией, предполагающей азиатское происхождение автора.

Впрочем, почти неважно, происходят ли огрехи в КНТ от того, что автор не носитель языка, или от того, что он просто не умеет достаточно хорошо на нем писать:

While timepieces like the IWC Ingenieur and Rolex Milgauss may not enjoy the reception given to their more popular siblings within the brands, watchmakers such as Panerai have made a point of “**manning**” up antimagnetic offerings by introducing the Luminor Submersible 1950 Amagnetic 3 Days Automatic Titano in Ramboesque proportions (47mm diameter).

Казалось бы, этот фрагмент написан вполне корректно. Однако обращает на себя внимание выделенное слово. Глагол *to man up* в современном американском английском языке употребляется непереходно и означает «мужаться», «собраться с духом», «не раскисать» (см., например, Oxford Dictionary of English¹⁰). Прочитанное здесь употребление нетипично, у автора, чья языковая компетентность не вызывает вопросов, оно заставило бы нас задуматься и, возможно, подобрать какой-нибудь экзотический вариант вроде «“мужать” свои антимагнитные модели» или «придать своим антимагнитным часам “мужчинистости”».

Однако в тексте содержатся многочисленные признаки небрежности и неестественности, в том числе некорректные согласования времен и наклонений, окказиональная пунктуация, логические неувязки. Да и в самом этом фрагменте, помимо выбора слова, озадачивает постановка кавычек: если уж фразовый глагол *to man up* используется в переносном смысле, то закавычивать следовало его целиком, а не только глагольную часть. Из всего этого следует вывод, что излишняя оригинальность здесь, по всей видимости, не планировалась и в переводе необходимо другое, экспрессивное, но более нормативное решение, например:

Конечно, в семействе IWC «Энженьёр», как и «Мильгаусс» у «Ролекса», не самые популярные модели. Их можно сравнить с ботаниками, несколько теряющимися на фоне своих более развязных и мускулистых одноклассников. Но вот часовщики из «Панераи» (Panerai) решили вырастить из ботаника настоящего Рэмбо и создали антимагнитные часы в титановом корпусе исполинских размеров (47 мм в диаметре) – Luminor Submersible 1950 Amagnetic 3 Days Automatic Titano с трехдневным запасом хода и автопод заводом.

КНТ, созданный с расчетом на определенное эмоциональное воздействие, ставит перед переводчиком ряд дополнительных задач: ему необходимо не только продрааться через неудачно скрепленные друг с другом слова и конструкции к вероятному смыслу, но и выразить их с учетом предполагаемой автором КНТ экспрессии, возвышенности тона и т. п. Зачастую первое отнимает столько времени, что на второе у переводчика не хватает ни сил, ни терпения.

Вот первый абзац одного пресс-релиза:

¹⁰ Там это определение выглядит следующим образом: «be brave or tough enough to deal with an unpleasant situation: *you just have to man up and take it*».

The Geneva based Haute-Horlogerie Maison, Roger Dubuis and the Russian Bobsleigh Federation held a press conference at the Park Hyatt Ararat Moscow to announce their new partnership. The two partners gathered to celebrate their shared values, precision and commitment to performance, over the coming years.

На первый взгляд, пресс-релиз как пресс-релиз, ничем особенно не хуже многочисленных текстов такого рода, сочетающих пустоту содержания с напыщенной и неуклюжей формой выражения. Но нас в данном случае не интересует вопрос о том, в чем причина коммуникативной неполноценности этого текста: в том, что он написан хуже других, или в том, что пресс-релизам в целом свойственна коммуникативная неполноценность. А о том, что отдельные фрагменты этого текста неполноценны, свидетельствует уже хотя бы последнее предложение этого абзаца, довольно бессмысленное при внимательном прочтении.

Слово *celebrate*, даже если брать его в новомодном галантерейном значении «прославлять, приветствовать», никак не сочетается с обстоятельством времени *over the coming years*: трудно себе представить, что компания и спортивная федерация действительно решили ближайшие несколько лет посвятить восхвалению своих общих ценностей. Также не совсем понятно логическое отношение понятий *values*, *precision* и *commitment to performance*. Если *value* – родовое понятие для последующих двух, то логичнее был бы оборот *shared values of (something)*. Если же это ряд однородных членов, то налицо невозможный логический разнобой: «ценности», «точность» и «приверженность высоким показателям/достижениям» слишком далеки друг от друга понятийно.

При этом велик соблазн об этом не задумываться и передать это предложение таким же неполноценным вариантом вроде: «Партнеры встретились, чтобы во всеуслышание заявить о своих общих ценностях, точности и стремлении к высочайшим достижениям в течение ближайших лет». Возможно, мы несколько утрируем, но, как нам представляется, подобное предложение не сильно выделялось бы на фоне того, что подчас пишут даже в оригинальных русских текстах соответствующей тематики.

Однако в итоге был предложен следующий вариант:

На пресс-конференции, состоявшейся в отеле «Аралат Парк Хаятт», женеvский дом высокого часового искусства «Роже Дюбуи» и Федерация бобслея России сообщили о заключении соглашения о сотрудничестве. Часовая марка и спортивная организация ставят перед собой сходные задачи – стремление к точности и высочайшим достижениям в своей области, – и новое партнерство должно способствовать дальнейшему укреплению их общих ценностей.

Таким образом, переводчику, по сути, пришлось из отдельных присутствующих в ТО фрагментов информации сконструировать новый текст, в котором эти фрагменты в достаточной степени связаны логически и который воспринимается как коммуникативно полноценный. По нашим наблюдениям, такого рода работа – выстраивание логических связей вместо аморфных скоплений экспрессивно маркированных слов и клише – весьма характерное занятие для современного переводчика, занимающегося текстами представительского характера.

Наконец, пример, где от переводчика требуется недюжинная смекалка. Заимствован тоже из опубликованной статьи, где, как предполагается, устная речь прошла необходимую обработку. Технический директор компании говорит:

“Take the assortment for example – we have to understand how it really works, to analyze it from the ground up and re-engineer it, optimize it, and then reinvent it. We have set up a workshop of research and predevelopment that aims to do things like this.”

Вся эта реплика представляется почти что непере译имой: она бессмысленна, если не знать, что часовщик понимал под словом *assortment*, а значение этого слова в английском языке («набор», «ассортимент», «выбор») здесь явно не подходит. Вспомнив, что интервьюируемый имеет немецкое имя и фамилию, проверяем значение сходного слова (*Assortiment*) в немецком языке (люди, не являющиеся специалистами в области межъязыкового посредничества, нередко забывают о разнице между словами своего родного языка и этимологически сходными с ними иностранными словами, употребляя вторые там, где уместны были бы только первые). В результате с высокой степенью вероятности устанавливаем, что говорящий имел в виду регулятор часов (спуск, баланс и спираль) – значение *Assortiment*, встречающееся в ряде немецких справочников по часовому делу.

Практика показывает, что для переводчиков работа с подобными текстами представляет, по крайней мере на первых порах, немалые затруднения. Испытывая вполне оправданный – в более привычных обстоятельствах – пиетет перед авторским текстом, они пытаются отражать в переводе коммуникативно нерелевантные, по сути, особенности ТУ, но в результате вместо более точного отражения авторской позиции получается более точное изображение его языковой некомпетентности, которую читатель ТП спишет, разумеется, на недобросовестность переводчика.

Подведем некоторые итоги.

1) Перевод КНТ представляет собой интересную переводоведческую проблему, которую, полагаем, можно и нужно исследовать более глубоко. В частности, при таком переводе явление стандартизации¹¹, негативное при передаче фрагментов, носящих на себе отпечаток авторского, становится, скорее, положительным и даже необходимым. Также подобные тексты дают материал, позволяющий переосмыслить само понятие стандартизации как таковое. При этом – если перевод выполняется достаточно добросовестно – снижается вероятность интерференции, поскольку она будет приводить в ТП к совсем уж невразумительным последствиям. Э. Пим полагает, что и стандартизация, и интерференция являются стратегиями переводчиков, позволяющими им снизить риск (т.е. избежать критики за «неправильный» перевод)¹². Получается, при

¹¹ См., например: Ланчиков В.К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и ее преодоление // Мосты №№2(30)–3(31)/2011 и Бузаджи Д.М. Стандартизация или энтропия? К вопросу о переводческих универсалиях // Мосты №2(34)/2012. – С. 58–70.

¹² См., например, Pym A. On Toury's laws of how translators translate // Beyond Descriptive Translation Studies: investigations in homage to Gideon Toury / ed. by A. Pym, M. Shlesinger, D. Simeoni. – John Benjamins Publishing Company: Amsterdam/Philadelphia, 2008. – pp. 324-341.

переводе КНТ отводить от себя угрозу критики переводчик вынужден не совсем так, как при работе с обычными текстами.

2) При переводе подобных текстов переводчик вынужден гораздо активнее играть роль интерпретатора и даже редактора авторского текста, что дает ему значительную свободу. Выдвинем предположение, что профессиональный, обладающий достаточной стилистической гибкостью переводчик при переводе таких текстов будет проявлять свой индивидуальный стиль смелее, чем при переводе «грамотных» текстов, с чьими авторскими чертами приходится считаться в гораздо большей степени.

3) При этом на переводчика подобных текстов ложится и дополнительная ответственность, связанная с необходимостью делать полубесмысленное и стилистически хаотичное осмысленным и стилистически цельным. Стало быть, чем хуже написаны (созданы) тексты, с которыми работает переводчик, тем заметнее его роль в защите ПЯ от проникновения в него нежелательных явлений и в обеспечении коммуникации между носителями разных языков. Если в коммуникативно полноценном тексте многие фрагменты более или менее удачно поддаются дословному переводу (который можно выполнить даже не вдумываясь в содержание фрагмента), то КНТ требует от переводчика активной аналитической, толковательной работы при передаче каждого высказывания.

4) При работе с КНТ от переводчика требуется более основательное знакомство с широким контекстом и более деятельное овладение им, поскольку многие фрагменты КНТ могут оказаться неинтерпретируемыми без учета условий коммуникации, положения дел в предметной сфере, о которой идет речь, и т. п.

5) Работа переводчика (особенно устного) с КНТ сильно затрудняется еще и в том случае, если текст на ИЯ содержит многочисленные вкрапления неосвоенных лексических и/или лексико-грамматических заимствований и/или калек с ПЯ (типичный пример – перевод с «офисно-журналистского» русского языка на английский). В этом случае, особенно если автор ТО является и заказчиком перевода (или тем, кто его оценивает), переводчику нередко незаслуженно ставят в вину мнимые неточности, связанные с переосмыслением ТО и вполне мотивированным отказом от использования в ТП некоторых слов и конструкций, ставших источниками заимствований и калек в ТО. Например, хотя у русских СМИ сейчас модно называть любой дорожный затор и прорыв трубы коллапсом, английское *collapse* предполагает гораздо более серьезные масштабы и более специфические параметры катастрофы, а значит, зачастую для передачи «коллапса» будут уместны варианты вроде *breakdown*, *standstill*, *chaos* и т. д. В подобных ситуациях задача переводчика не только опознать и верно передать подобное явление, но и при необходимости отстоять свою позицию перед заказчиком.

6) Безусловно, будущих переводчиков стоит хотя бы кратко знакомить с подобным видом перевода. Но при этом следует принимать в расчет, что постоянная работа с КНТ таит в себе одну опасность: при возвращении к полноценным текстам переводчик может не перестроиться и начать игнорировать или трансформировать по своему вкусу то, что было вполне оправданным и требовало большей точности в передаче.

В заключение приведем еще несколько соображений, касающихся возможного дальнейшего исследования данной проблемы. Прежде всего оговоримся, что мы отнюдь не считаем, что коммуникативно полноценные и неполноценные тексты представляют собой две четко и непротиворечиво разграниченные категории. Напротив, как и многие другие явления в языке и переводе, эти категории разделены довольно обширной «смешанной зоной», а коммуникативная полноценность является не абсолютным, а количественным показателем. Возможно, признаки коммуникативной неполноценности присутствуют в любом тексте, но, чем лучше текст создан, тем меньше в нем таких признаков и тем субъективнее их выделение. Нас же интересуют тексты, в которых признаки коммуникативной неполноценности многочисленны и очевидны.

Эту тему стоит, на наш взгляд, продолжать развивать потому, что переводоведение (и преподавание практики перевода) традиционно строится вокруг полноценных текстов, для которых вопрос несоответствия их содержания авторскому намерению неактуален. Однако на практике переводчики все чаще и чаще сталкиваются с текстами, содержащими явные признаки коммуникативной неполноценности, не имея при этом ни практических навыков, ни теоретических оснований для работы с ними.

Помимо многочисленных переводоведческих и общелингвистических вопросов, перевод КНТ ставит и вопросы морально-философского порядка. За «авторитетом» КНТ переводчику спрятаться гораздо труднее (в частности, это проявляется в меньших возможностях интерференции): бесполезно объяснять заказчику или читателю, что ты перевел «точно так, как было в оригинале», если в оригинале сказано что-то вроде: “I need make with watches some Russian ideas, some *rodina*, you understand?” Стало быть, переводчик вынужден более отчетливо выбрать свою переводческую стратегию.

В эпоху, когда качество и авторитет письменных текстов снижаются, по какому пути пойдут переводчики КНТ? Будет ли это путь осознанного создания таких же ущербных текстов на ПЯ или путь целенаправленного исправления недостатков ТО в интересах ПЯ и его носителей? И если большинство изберет второе, не близок ли тот момент, когда – по крайней мере, в некоторых областях – язык переводов станет чище, грамотнее и логичнее, чем язык оригиналов?